

ТРАВМА «ВЫЧЕРКНУТЫХ» И ЕЕ ЭМПАТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ СЛОВЕНСКОМ РОМАНЕ

Н.Н. Старикова

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; nstarikova@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается рефлексия словенских прозаиков, связанная с актуальной проблемой современного словенского общества, — коллективной травмой «вычеркнутых», лиц с югославскими паспортами, во время провозглашения суверенитета живших и работавших в Словении и по политическим и бюрократическим причинам исключенных из реестра ее постоянных жителей. В 1992 г. недавно провозглашенное демократическое государство Республика Словения лишило статуса граждан свыше 25 тысяч таких людей. Правда об этом «неудобном» эпизоде властями и средствами массовой информации годами замалчивалась или фальсифицировалась. Прозаики Полона Главан и Дино Баук в своих дебютных романах «Не важно как» (2014) и «Конец. Опять» (2015), посвященных последствиям распада СФРЮ и кардинальным политическим и социокультурным изменениям на постъюгославском пространстве, используют этический потенциал художественного слова для передачи опыта эмпатического переживания. Оба произведения объединяет не только предмет изображения — судьбы «вычеркнутых» и отношение к ним коренных словенцев, — но и сама сочувственная модальность повествования, миметический способ совладания с коллективной травмой с помощью художественного высказывания. Через художественную вербализацию сопереживания авторы стремятся транслировать последствия травматического опыта, пережитого обеими сторонами конфликта, и разрушить существующие в общественном сознании стереотипы его восприятия. Привлекая внимание читателей к актуальному этическому дискурсу, они строят свои трактовки образов «вычеркнутого/ой» на искреннем вживании в травму изгоев, прибегают к использованию хронотопа мультикультурного пространства, обуславливающего взгляды и поступки персонажей.

Ключевые слова: современный словенский роман; проблема «вычеркнутых»; эмпатическое переживание; нарративизация травмы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-03-16

Для цитирования: Старикова Н.Н. Травма «вычеркнутых» и ее эмпатическая репрезентация в современном словенском романе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 3. С. 209–219.

THE TRAUMA OF THE “ERASED” AND ITS EMPATHIC REPRESENTATION IN THE CONTEMPORARY SLOVENIAN NOVEL

Nadezhda N. Starikova

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
nstarikova@mail.ru*

Abstract: The article examines the reflection of Slovenian prose writers on the pressing problem of modern Slovenian society — the collective trauma associated with the fate of the “erased”, people with Yugoslav passports, who at the time of the declaration of sovereignty lived and worked in Slovenia and, due to political and bureaucratic reasons, were excluded from the register of its permanent residents. In 1992 the newly declared democratic state of the Republic of Slovenia deprived over 25,000 of these people of their citizenship status. The truth about this “inconvenient” episode was suppressed or falsified by the authorities and the media for years. Prose writers Polona Glavan and Dino Bauk in their debut novels *Kakorkoli* (*No Matter How*, 2014) and *Konec. Znova* (*The End. Again*, 2015), dedicated to the consequences of the collapse of the SFRY and fundamental political and sociocultural changes in the post-Yugoslav space, use the ethical potential of the literary word to convey the empathic experience. Both works are united not only by the subject — the fate of the “erased” and the attitude of indigenous Slovenians towards them — but also by the very sympathetic modality of the narrative, a mimetic way of coping with collective trauma through artistic expression. Through the artistic verbalization of empathy, the authors strive to convey the consequences of the traumatic experience both sides of the conflict went through and to destroy the stereotypes of its perception existing in the public consciousness. Drawing the attention of the readers to the current ethical discourse, they base their interpretations of the images of the “erased” on a sincere understanding of the trauma of outcasts, and resort to the chronotope of a multicultural space, which determines the views and actions of the characters.

Keywords: contemporary Slovenian novel; the problem of the “erased”; empathic experience; narrativization of trauma

For citation: Starikova N.N. (2024) The Trauma of the “Erased” and Its Empathic Representation in the Contemporary Slovenian Novel. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 3, pp. 209–219.

Внимание писателей к патологиям и аномалиям современного общества — одна из складывающихся тенденций современной словенской литературы, свидетельствующая о постепенном возвращении в нее социально-критического дискурса. Так, в последнее десятилетие в поле зрения авторов попадает одно из следствий распада СФРЮ — проблема «вычеркнутых»¹, на протяжении многих лет

¹ Поскольку словенское «izbrisani» — «стертые» — в русском языке омонично, автор в своих работах использует выражение «вычеркнутые».

в Словении замалчивавшаяся. Ее истоки относятся к социалистической эпохе: еще в 1970-е гг. в Словению, самую экономически благополучную и развитую из республик СФРЮ, на ударные стройки социализма командировались выходцы с юга, главным образом из Боснии и Македонии. Многие из них, недостаточно образованные, не привыкшие к городской жизни, плохо говорившие по-словенски, вызывали раздражение у коренного населения. После распада социалистической Югославии процессы миграции резко интенсифицировались: жители беднейших республик и краев бывшей титовской империи перед лицом нищеты искали прибежища на более процветающих территориях. В первые годы независимости (в 1991 г. Словения вышла из состава СФРЮ и стала суверенным государством) число легальных и нелегальных иммигрантов резко увеличилось. Нелегальность пребывания в стране связывала переселенцев с криминальными структурами, лишала возможности найти законное занятие. В результате многие оказались вне принимающего общества, которое, в свою очередь, не было к «гостям» достаточно доброжелательно. Согласно соцопросам начала 1990-х гг., более половины респондентов-словенцев (57,5%) видели в южанах-мигрантах угрозу для себя. В свою очередь, для большинства переселенцев из других республик выход Словении из состава Югославии обернулся утратой «большой родины», до этого отдельные случаи бытового этнонационализма компенсировались тем, что они ощущали себя югославами — гражданами мощного многонационального государства. Не удивительно, что большинство из этих людей провозглашения словенского суверенитета не поддержало.

В независимой Словении статус гражданина СФРЮ перестал быть легитимным, а паспорт СФРЮ действующим. Решить вопрос можно было, подав заявление на получение словенского гражданства в течение полугода со дня провозглашения независимости. Большинство переселенцев так и поступили, однако были и те, кто по разным причинам не успел этого сделать, поэтому 26 февраля 1992 г. их личные данные были удалены из реестра постоянного населения. Таких «вычеркнутых» оказалось чуть больше 25 тысяч, все они были этническими представителями других югославянских народов или родились в смешанных браках со словенцами. В один момент все эти люди оказались не только вне гражданско-правового поля, но и вне системы социального обеспечения — здравоохранения, страхования, пенсий, потеряли право на постоянное проживание и работу, фактически став апатридами. Более десяти лет тема «вычеркнутых» оставалась на периферии общественного внимания, вне поля зрения официальных властей и СМИ, а сами «вычеркнутые» оказались в выбравшей демократический путь Ре-

спублике Словении людьми второго сорта. Только в 2012 г. Европейский суд по правам человека в Страсбурге наконец признал акт удаления физических лиц из реестра постоянного населения нарушением Европейской конвенции по правам человека и обязал Республику Словению исправить его последствия. Однако в словенском обществе до сих пор сильно негативное восприятие «вычеркнутых» и пережитой ими травмы, а также отрицание вины граждан Словении по отношению к ним.

По сравнению с другим травматическим опытом, приобретенным экс-гражданами СФРЮ в связи с политическими, экономическими и социокультурными изменениями на постъюгославском пространстве (вооруженные конфликты 1991–2001 гг. на Балканах, феномен «титостальгии», «чефурский» дискурс довольно быстро стали объектами писательского внимания; см.: [Старикова 2018: 188–221]), к травме «вычеркнутых» авторы обращаться не спешили. М. Юван связывает эту ситуацию с «амбивалентным положением словенского писателя, который исторически являлся носителем национальной идеи <...> и в то же время традиционно дистанцировался от любой господствующей идеологии» [Juvan 2016: 27]. Выступая с критикой демократической власти, всячески скрывающей, что она встала на путь национализма, писатель рисковал выйти за рамки привычной национально-охранительной миссии и быть не понятым читателем, которого проблемы «вычеркнутых», в отличие от войны на Балканах, превращали из стороннего наблюдателя в соучастника. Важен здесь и фактор временной дистанции, которая необходима, чтобы «обрести способность различать прошлое, настоящее и будущее <...> и принять на себя ответственность» [Липовецкий 2013].

Одним из первых в пользу признания прав тех, применительно к кому репрессивное отношение на государственном уровне считалось вполне допустимым, выступил поэт Борис А. Новак (сонет «Вычеркнутые», 2004), положения лиц без гражданства касались в своих романах Г. Войнович («Чефуры, вон!», 2008; «Инжир», 2016) и М. Маццини («Вычеркнутая», 2014). Важными вехами репрезентации проблематики «вычеркнутых» являются также автобиографический роман боснийского автора М. Алича «Никто» (2013), в центре которого судьба лишённого гражданства переселенца, и спектакль О. Фрлича «25 671» (2013, цифра, соответствующая точному числу «вычеркнутых»), открывающий изнанку бытовой этнонетерпимости современного словенского общества. Следующим шагом становится попытка литераторов через нарративную стратегию, основанную на эмпатии — художественную вербализацию сопереживания, — разрушить существующие в общественном сознании стереотипы восприятия конфликта. Об этом свидетельству-

ют романы П. Главан (род. 1974) «Не важно как» (2014) и Д. Баука (род. 1972) «Конец. Опять» (2015). Оба произведения объединяет не только предмет изображения — судьбы «вычеркнутых» и отношение к ним коренных словенцев, — но и предлагаемый авторами миметический способ преодоления коллективной травмы и коллективной вины с помощью «эмпатического понимания» [Роджерс 1994: 22]. Потому что сама «возможность читать или писать о травме приоткрывает для литературы специфический тип опыта, который становится доступен не только терапевту» [Айерман 2013: 122]. Привлекая внимание читателей к актуальному социальному и этическому конфликту и связанному с ним травматическому опыту, Главан и Баук строят авторские трактовки образов «вычеркнутого/ой» на эмпатии, на «искреннем вживании в травму изгоев» [Virik 2021: 159]. Также для обоих прозаиков характерно использование хронотопа югославского мультикультурного пространства, который во многом обуславливает взгляды и поступки «вычеркнутых».

В романе «Не важно как» акцент сделан на проблеме соучастия и совины простых граждан Словении в травме «вычеркнутых». Действие развивается в Любляне в середине 2000-х гг., когда стихийные протесты переселенцев трансформируются в организованное движение, к которому присоединяются неправительственные организации и словенские гражданские активисты. Повествование построено на двух параллельно развивающихся сюжетных линиях, героини которых, старшеклассница Лили и студентка Аля, при трагических обстоятельствах встречаются в финале. Девушки близки по возрасту, но принадлежат к разным социальным группам, их жизненные установки и системы ценностей диаметрально противоположны. Аля (в чем-то alter ego самой Главан) учится в Люблянском университете и поглощена общением по Skype с Дэвидом, в которого влюбилась, путешествуя на каникулах по Ирландии. У несовершеннолетней Лили другие, совсем недетские проблемы: есть взрослый парень, Марс, от которого она беременеет, так что встает вопрос об аборте. Марсу удается убедить подружку сохранить ребенка. Решающим аргументом становится популистский лозунг националистов «Словения — для словенцев»: каждый «чистокровный» новорожденный младенец, уверен будущий молодой отец, способствует сохранению «чистоты» словенской нации. Действие романа длится около девяти месяцев — срок вынашивания плода — и заканчивается рождением девочки. Сюжетная линия Лили и Марса резко меняет траекторию, когда последний теряет работу: его увольняют за оскорбительное высказывание в адрес иммигранта. После этого героя окончательно захлестывают ксенофобские настроения, и он

присоединяется к откровенно фашиствующим молодежным группировкам. Лили полностью на его стороне.

Различие героинь Главан передает через тип социолекта («Для меня речь — главное средство психологической характеристики персонажа, наиболее точно показывающее живого конкретного человека» [Ogrizek 2014], — подчеркнула писательница в одном из интервью): в лексике и манере говорить семнадцатилетней Лили соединяются подростковый сленг и словесные обороты жителей пригорода, отмеченные маркерами ксенофобской нетерпимости, двадцатилетняя Аля выражается культурно, без жаргонизмов, подчеркнуто соблюдая толерантность. Зависимость от виртуальных отношений с Дэвидом постепенно начинает тяготить героиню, и тут случайное знакомство с тринадцатилетним боснийским мальчиком-иммигрантом Сенадом, семья которого живет в крайне стесненных условиях, кардинально меняет ее жизнь. Помогая ребенку с учебой, студентка постепенно проникается к нему человеческой симпатией и уважением, сдержанное участие с ее стороны трансформируется во включенность и искреннюю заботу:

«Чем бы ты хотел заняться, Сенад? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально нейтрально. — Вообще в жизни?»

Сенад, как я и предполагала, ответил не сразу. Поерзал, придвинулся ближе, я почувствовала, как он волнуется.

“Я бы хотел стать физиотерапевтом”, — он произнес это еле слышно, но очень решительно.

Физиотерапевтом! Я чуть не повторила за ним как замороженная слово “физиотерапевт”, но горло почему-то перехватило. В отличие от других тринадцатилетних пацанов, мечтавших о карьере певцов, актеров, космонавтов, на худой конец детективов, но не имевших ни малейшего представления об этих профессиях, желание Сенада было абсолютно обдуманым. Я вспомнила себя в его возрасте: каких-то семь лет назад передо мной тоже лежал весь необъятный мир, суливший море увлекательных приключений. По сравнению с моим, мир Сенада был четкой и прямой дистанцией, непонятно только, спринтерской или стайерской. Скрывая замешательство, я растянула губы в улыбке и произнесла: “Это хорошая профессия. Будешь людям помогать. Благородное дело» [Glavan 2014: 350]².

Сравнивая себя с маленьким собеседником, героиня через интроспекцию (перенесение собственных чувств и склонностей на объект общения) меняет первоначальное представление о его личности. Далее включается механизм идентификации: переживание тождественности своего «я» с «я» Сенада «способствует установле-

² Здесь и далее перевод цитат из романов сделан автором статьи.

нию эмоционально-чувственного отношения между воспринимаемым объектом и субъектом» [Гаврилова 1975: 151]. Помощь подростку постепенно перерастает в социальное кураторство, в итоге героиня присоединяется к левым активистам люблянского сквота Rog, выступающим за права национальных меньшинств и «вычеркнутых». На одной из акций на их мирное шествие нападают радикально настроенные правые националисты, Марс и Лили в их рядах. Так не знакомые друг с другом девушки оказываются лицом к лицу по разные стороны баррикад. Во время потасовки Марс смертельно ранит отца Алиного подопечного, тоже находившегося среди демонстрантов. Для обеих героинь трагическая гибель иммигранта становится потрясением: Лили порывает с Марсом, после родов не хочет видеть свою новорожденную дочку, потому что ее отец — убийца, Аля испытывает чувство вины за то, что позвала немолодого, хронически больного Нихада принять участие в акции протеста и тем самым невольно подтолкнула его к смерти. Главан напрямую связывает самосознание и тип поведения своих героев и героинь с их социальным происхождением, подчеркивая, что ксенофобским настроениям больше подвержены социально уязвимые слои словенского общества, которые, в свою очередь, тоже являются «жертвами популистских решений, пропагандируемых фашизмом, приспособившимся к неолиберальной эпохе» [Juvan 2016: 35].

В романе «Конец. Опять» показаны фатальные для жизни многих тысяч людей последствия государственных политических и бюрократических решений, а отдельно взятая трагическая судьба встроена в историю выживания поколения 1990-х. Главные герои романа — четверо подростков, которых на излете социалистической эпохи связала дружба и рок-музыка, а потом развели время и обстоятельства. Первый — Денис, поэт и книголюб, в 1992 г. оказывается лицом без гражданства, причиной становится несловенское происхождение его отца, офицера Югославской народной армии: вид на жительство парня, родившегося и выросшего в Любляне, аннулируют, его высылают в Хорватию, там мобилизуют и командируют в зону боевых действий в Боснии, где он и погибает. Второй, Горан, становится беспринципным и жадным бизнесменом (о протестах рабочих на его предприятии телевизионщики снимают репортажи), третий, Петер, когда-то перспективный студент-гуманитарий, превращается в равнодушного чиновника, бюрократа от культуры. Четвертой в этой компании оказывается американка Мэри, девушка Дениса, в свое время командированная в Европу в составе мормонской миссии. Повествование строится на реминисценциях: Петер, Горан и Мэри, которым уже за сорок, «перемещаясь по мин-

ному полю памяти» [Slapšak 2015: 171], вспоминают времена, когда им было по шестнадцать, из оживающих в их памяти картин юности складывается пазл короткой жизни Дениса. Все трое подсознательно испытывают чувство вины и стыда перед ним: Горан и Петер потому, что оба были стопроцентными словенцами и маховик националистических репрессий их не коснулся, Мэри потому, что расставание с возлюбленным произошло так внезапно, что они даже не простились. Чувства героев выливаются в письма, которые они, уже взрослыми, пишут своему сгинувшему другу:

«Дорогой мой Денис! Не знаю, где ты и есть ли ты вообще на этом свете, но чувствую острую необходимость тебе написать. С тех пор, как появилась клавиатура, я разучился писать рукой. И пяти предложений разборчиво не напишу, сплошные каракули. А помнишь, как я переписывал целые тетради аккордов и слов песен без единой помарки? Недавно нашел одну такую — почерк разборчивый, вроде и не мой. <...> Завтра спущусь в подвал. Там твоя и моя бас-гитары. Сдую с них пыль, заменю струны, настрою. Может, сыграю что-нибудь. Может, даже Горану позвоню, сходим выпить. Потом съездим к твоей бабушке в деревню, спросим про тебя. Хотя знаю, там мы тебя не найдем. Наверное, уже нигде не найдем <...>. Но если ты все же жив, не поминай лихом, старик. Твой Петер» [Bauk 2015: 150–151].

В воспоминания и рефлексии друзей вплетается рассказ и письма самого Дениса о его пребывании в Боснии, отдельные эпизоды этой исповеди носят сюрреалистический характер. Так, герой набредает на разрушенное авиаударом здание библиотеки, по которому бродят призраки библиотекарей (очевидная отсылка к городу Сараево, где руины разбомбленной Национальной и университетской библиотеки Боснии и Герцеговины в глазах всего мира стали символом военной трагедии). Один из них подводит молодого человека к полкам с книгами, написанными хорватскими, сербскими, боснийскими (сараевскими) авторами Александром Хемоном, Давидом Албахари, Игорем Штиksom, Борисом Дежуловичем, Миленко Ерговичем уже после окончательного распада Югославии, т. е. после смерти героя. В целом для тональности романа характерна нота ностальгии, тоска по «исчезнувшей цивилизации — югославской Атлантиде» [Debeljak 2010: 25] с ее «балканскостью», широтой души, гостеприимством, по навсегда утраченному югославскому мультикультурному пространству, причем Баук делает акцент на музыкальной культуре СФРЮ, включает в текст слова песен популярных югославских рок- и панк-групп, на которых выросли его герои. В кульминационной сцене в воображении Мэри все четверо персонажей снова собираются вместе: трое сорокалетних и навсегда оставшийся молодым Денис в военной форме. Камертоном этого

нарратива памяти становится мелодия, которую рок-группа исполнила на последней репетиции: возникший в сознании героини мотив погружает ее в эмоции прошлого — в ощущение необыкновенного человеческого и творческого единения и восторга — и одновременно обостряет чувство безвозвратной утраты: «Парни стояли на сцене тесным треугольником: Денис в военной форме, Горан и Петер, и смотрели на нее. И она сделала шаг навстречу тому, чего так и не произошло. Навстречу развязке, которой не было» [Glavan 2014: 128].

Сюрреалистические зоны произведения — литературный троп, способ вхождения во внутренний мир персонажей, разблокирования и верификации их травматического опыта, попытка реконструкции «нарративной идентичности» [Рикёр 2008: 197]. Оживающие в сознании героев картины прошлого и образы, замещающие им реальность, можно интерпретировать как защитную реакцию памяти на травмирующие воспоминания, на чувство вины, тревоги и беспомощности перед непоправимостью и абсурдом того, что с ними случилось. Да, они заложники эпохи, обстоятельств, собственного малодушия. Но читатель, особенно прошедший через катаклизмы 1990-х, возможно, не останется равнодушным к судьбе героя Баука: собственный опыт подтолкнет его к сочувствию и сопереживанию, потому что «лично пережитое обостряет остроту восприятия чужой боли, становится импульсом к эмпатическому взаимодействию» [Vrščaj 2015].

Лишение гражданства тысяч ни в чем не повинных людей, по сути, этническая чистка с применением административного ресурса — безусловно, один из самых болезненных и резонансных эпизодов в недавнем прошлом демократической Словении. Авторы рассмотренных романов реализуют социально-критический дискурс и этический потенциал литературы для привлечения внимания читательской аудитории к одной из социальных аномалий, правда о которой годами замалчивалась. Эмпатическая нарративизация травмы «в процессе художественного повествования способствует переработке травматического опыта, преодолению ужаса <...> травмирующего прошлого» [Адельгейм 2018: 573]. Привлекая внимание читателей к злободневному социальному конфликту, Главан и Баук, каждый по-своему, стремятся «применить на практике позитивный этический потенциал литературы, ее способность (и мотивацию) к эмпатическому воздействию» [Virk 2021: 15]. Первый шаг к осмыслению травматического опыта, связанного с драмой «вычеркнутых», словенскими авторами сделан, но до окончательного преодоления этой травмы еще далеко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адельгейм И.Е.* Психология поэтики: Аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.). М., 2018.
2. *Айерман Р.* Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 1. С. 121–138.
3. *Гаврилова Т.П.* Понятие эмпатия в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 147–158.
4. *Липовецкий М.Н.* Пейзаж перед // Знамя. 2013. № 3. С. 174–189.
5. *Рикёр П.* Я-сам как другой. М., 2008.
6. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
7. *Старикова Н.Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018.
8. *Bauk D.* Konec. Znova. Ljubljana, 2015.
9. *Debeljak A.* Balkanska brv. Eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide. Ljubljana, 2010.
10. *Glavan P.* Kakorkoli. Ljubljana, 2014.
11. *Juvan M.* Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana // Primerjalna književnost. 2016. Let. 39. Št. 3. S. 23–42.
12. *Ogrizek M.* «Izhajala sem iz sveta, ki mi je blizu in ga najbolje poznam» // Bukla. 2014. Št. 105–106. URL: <https://www.bukla.si/revija-bukla/izhajala-sem-iz-sveta-ki-mi-je-blizu-in-ga-najbolje-poznam.html> (дата обращения: 28.01.2024).
13. *Slapšak S.* Dropbox spomina // *Bauk D.* Konec. Znova. Ljubljana, 2015. S. 170–173.
14. *Virk T.* Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana, 2021.
15. *Vrščaj T.* Tujec na Balkanu // Pogledi. 2015. Let. 6. Št. 20. URL: <https://pogledi.delo.si/knjiga/tujec-na-balkanu> (дата обращения: 28.01.2024).

REFERENCES

1. Adelgeim I.E. Psikhologija poetiki: Autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2010-kh gg.) [Psychology of poetics: Autopsychotherapeutic functions of a literary text (based on the material of Polish prose of the 1990–2010s)]. Moscow, *Indrik Publ.*, 2018. 648 p. (In Russ.)
2. Eyerman R. Sotsial'naiia teoriia i travma [Social theory and trauma]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2013, vol. 12, no 1, pp. 121–138. (In Russ.)
3. Gavrilova T.P. Poniatie èmpatii v zarubezhnoi psikhologii [The concept of empathy in foreign psychology]. *Voprosy psikhologii*, 1975, no 2, pp. 147–158. (In Russ.)
4. Lipovetskii M. N. Peizazh pered [Landscape in front]. *Znamia*, 2013, no 3. (In Russ.)
5. Ricoeur P. Ia-sam kak drugoi [I as the other]. Moscow, *Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury*, 2008. 416 p. (In Russ.)
6. Rogers C.R. Vzgliad na psikhoterapiiu. Stanovlenie cheloveka [A view of psychotherapy. The Becoming of Man]. Moscow, *Progress Publ.*, 1994. 480 p. (In Russ.)
7. Starikova N.N. Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve nezavisimoi Slovenii [Literature in the sociocultural space of independent Slovenia]. Moscow, *Indrik Publ.*, 2018. 368 p. (In Russ.)
8. Bauk D. Konec. Znova. Ljubljana, *Beletrina*, 2015, 184 p.
9. Debeljak A. Balkanska brv. Eseji o književnosti jugoslovanske Atlantide. Ljubljana, *Beletrina*, 2010. 271 p.
10. Glavan P. Kakorkoli. Ljubljana, *Beletrina*, 2014, 471.

11. Juvan M. Izbrisani med politiko zanikanja in eksemplaričnostjo romana. *Primerjalna književnost*, 2016, vol. 39, št. 3, pp. 23–42.
12. Ogrizek M. »Izhajala sem iz sveta, ki mi je blizu in ga najbolje poznam«. *Bukla*, 2014, št. 105–106. URL: <https://www.bukla.si/revija-bukla/izhajala-sem-iz-sveta-ki-mi-je-blizu-in-ga-najbolje-poznam.html> (accessed: 28.01.2024).
13. Slapšak S. Dropbox spomina. Bauk D. *Konec. Znova*. Ljubljana, 2015, pp. 170–173.
14. Virk T. Pod Prešernovo glavo. Slovenska literatura in družbene spremembe: nacionalna država, demokratizacija in tranzicijska navzkrižja. Ljubljana, *Znanstvena založba Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani*, 2021, 222 p.
15. Vrščaj T. Tujec na Balkanu. *Pogledi*, 2015, let. 6, št. 20. URL: <https://pogledi.delo.si/knjiga/tujec-na-balkanu> (accessed: 28.01.2024).

Поступила в редакцию 01.02.2024

Принята к публикации 25.02.2024

Отредактирована 09.03.2024

Received 01.02.2024

Accepted 25.02.2024

Revised 09.03.2024

ОБ АВТОРЕ

Старикова Надежда Николаевна — доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; nstarikova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N.Starikova — Prof. Dr., Head of the Department for Contemporary Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; nstarikova@mail.ru